

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

В.Е. МАЛЫГИН

старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТРАМПОНОМИКА КАК АПОФЕОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА¹

Статья анализирует на примере политики США «Америка прежде всего» глобальный тренд 2020-х годов — возрождение доктрины экономического национализма (ЭН) и технологического национализма как ее центрального компонента. Показано, что страны все шире подчиняют свои экономические стратегии приоритетам безопасности (секьюритизация), нацеливаясь на достижение технологического превосходства и используя вепонизацию взаимных зависимостей как новое экономическое оружие. Рассмотрены специфические черты и инструменты современной модели ЭН. С этих позиций описаны противоречивость трампономики (курс США с 2025 г.), ловушка непримиримого технологического соперничества США и Китая, риски транзакционного подхода Трампа для мировой экономики. Сделан вывод, что переход стран от либеральных принципов экономической открытости и свободы торговли к идеологии протекционизма и самодостаточности чреват накоплением экономической неэффективности. Эта ситуация будет препятствовать успешному достижению странами тех целей стабильного и безопасного развития, ради которых они и совершили данный переход.

Ключевые слова: *экономический национализм, технологический суверенитет, вепонизация взаимозависимостей, секьюритизация, торговая война, трампономика, соперничество США и Китая.*

УДК: 339.54, 339.98

EDN: WGDALA

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_127_146

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России».

В 2025 г. геополитические конфликты между странами и тарифная политика администрации США во главе с Д. Трампом окончательно разрушили прежний либеральный международный порядок (ЛМП), зародившийся в середине XX века и ставший основой глобального экономического управления в 1990-е годы, начиная с окончания холодной войны. Характерные для этого порядка принципы (экономическая открытость, свобода торговли и рыночной конкуренции, инклюзивность и многосторонняя кооперация) привели к стремительному росту глобальных производственных связей и экономической интеграции, что обеспечило всем типам экономик серьезные выигрыши в снижении издержек и ускорении развития. Однако к 2020-м годам в мире накопился значительный потенциал для конфликта национальных интересов, что стало обратной стороной его возросшей экономической связанности.

Реагируя на новые конкурентные вызовы, риски распада мировой экономики на блоки и сдвиги в поведении торговых партнеров, страны уже не рассматривают свои тесные взаимные связи как преимущество. Напротив, они стремятся выйти из-под любой опасной партнерской зависимости и любого возможного давления извне, укрепить технологический суверенитет и шире внедрять в свои промышленные стратегии вопросы экономической безопасности. Массовая секьюритизация национальных промышленных стратегий, охватившая в 2020-е годы развитый и развивающийся мир [1], сопровождается и секьюритизацией подходов к экономическому управлению в целом. Кризис ЛМП на глобальном уровне нашел свое отражение на уровне стран в виде отказа правительств от либеральных принципов и обращения к доктрине экономического национализма, подчиняющей задачи экономического и технологического развития приоритетам безопасности.

Синхронный разворот ведущих стран мира к экономическому национализму зеркально меняет укоренившиеся управленческие принципы. Эпоха наращивания экономической открытости, многостороннего сотрудничества, поисков консенсуса и настроенности стран на взаимные выигрыши — все это, похоже, сменяется установками на протекционизм и самодостаточность, на односторонние решения с позиций сильного и на идею получения страной эксклюзивных технологических выигрышей любыми средствами. Если еще недавно подобные установки можно было расценивать как отклонения от магистрального пути развития глобальной экономической интеграции, то сегодня они становятся не исключением, а новой нормой. Ее наиболее яркое воплощение можно обнаружить в торговой доктрине президента Трампа «Америка прежде всего» (America First Trade Policy).

Очевидно, что продвижение странами своих промышленных и технологических стратегий потребует осмысления этих институциональ-

ных перемен, способных радикально повлиять на мировую экономику и геополитику. В кругу таких стран Россия не является исключением. Напротив, в новом международном контексте санкционная ситуация может нести России дополнительные возможности и риски. То же самое относится к мерам сопротивления санкциям, тем более что Россия выстроила амбициозные планы по достижению не только суверенитета в критических технологиях, но и лидерства по ряду сквозных (наиболее передовых) технологий среди стран Глобального Юга, прежде всего в рамках таких дружественных объединений, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

На примере политики Трампа, именуемой в литературе «трампономикой» (trumponomics), мы попытаемся показать глобальную экономическую перестройку, где центральной повесткой становится безопасность, а новым экономическим оружием — вепонизация взаимозависимостей. Сначала мы рассматриваем современную модель экономического национализма, выявляя ее специфические черты и инструменты, включая технологический национализм как центральный элемент экономического национализма. Затем мы анализируем трампономику сквозь призму этих черт и технологическое соперничество между США и Китаем с точки зрения характера поведения сторон. Наконец, мы оцениваем трампономику с точки зрения рисков, которые она несет американской и мировой экономике, демонстрируя противоречивость доктрины экономического и технологического национализма.

Экономический национализм и его инструментальная атрибутика

В научной литературе отсутствует единое четкое определение экономического национализма (ЭН). Этот феномен принято отождествлять с совокупностью мер экономической политики, направленных на приоритетное развитие национального рынка над задачами экономической интеграции, либо на поддержку национальных компаний в конкуренции с иностранными, либо на ограничение иностранного присутствия на внутреннем рынке. Такая политика может быть нацелена как на догоняющее развитие или достижение страной технологического лидерства, так и на встречное сдерживание развития стран-конкурентов [2; 3].

Современная модель ЭН, характерная для XXI века, связана с резким отступлением стран от принципов либерального международного порядка (экономическая открытость, свобода конкуренции, инклюзивность, многостороннее сотрудничество) ради продвижения национальных экономических интересов в ущерб интересам других стран,

с которыми ранее складывались отношения партнерства и кооперации. Иными словами, страны теперь возводят в приоритет *факторы суверенности, безопасности и собственного лидерства*, что объясняется разрастанием конфликта интересов, которое сделало их возросшую взаимозависимость и многосторонний формат интеграции не только источником угроз, но и помехой для возможных конкурентных завоеваний.

В основе этого исторического сдвига лежит ряд фундаментальных причин. Мы относим к ним: изменение характера конкуренции на новой волне технологического прогресса (страны вступают в непрерывную гонку за новыми цифровыми технологиями и ограниченными ресурсами критических минералов); формирование нового баланса сил между Глобальным Севером и Глобальным Югом (последний теперь почти уравнивает первый по доле в мировом ВВП); возросшее неравенство вследствие неравномерного распределения выигрышей от автоматизации и глобализации (что порождает настроения антиглобализма в ведущих развитых странах и антизападничества — в развивающихся); трансформацию Китая в прямого конкурента Запада на глобальном и на внутренних рынках; а также (и этот фактор мы рассмотрим ниже) — стратегическое соперничество США и Китая за технологическое лидерство в ключевых отраслях будущего.

На этом фоне главным триггером разворота стран к ЭН стало, на наш взгляд, распространение в мире нового экономического оружия — *вепонизации* странами взаимных экономических и технологических зависимостей, возросших в ходе глобализации. *Вепонизация взаимозависимостей* (weaponized interdependence) означает воздействие влиятельной страны на развитие торгового партнера, зависящего от ее поставок или спроса, с помощью различных инструментов экономического принуждения (economic coercion) [4]. Так, Китай создал мощный государственный аппарат для воздействия на США с целью перехвата новейших технологий и получения конкурентных выигрышей [5]. Сами США давно пользуются рычагами финансового и санкционного давления на партнеров в интересах геополитики [4], а торговая война Трампа, заключающаяся в подъеме импортных пошлин в качестве способа тотального давления на другие страны, открыла эпоху массовой вепонизации.

Модель ЭН характеризуется рядом специфических черт, зеркально отличающих ее от либеральных подходов к государственному регулированию экономики.

Во-первых, ЭН *выстраивается вокруг секьюритизации промышленных и научно-технологических стратегий*, которая, по сути, соединяет воедино вопросы экономического развития с вопросами экономи-

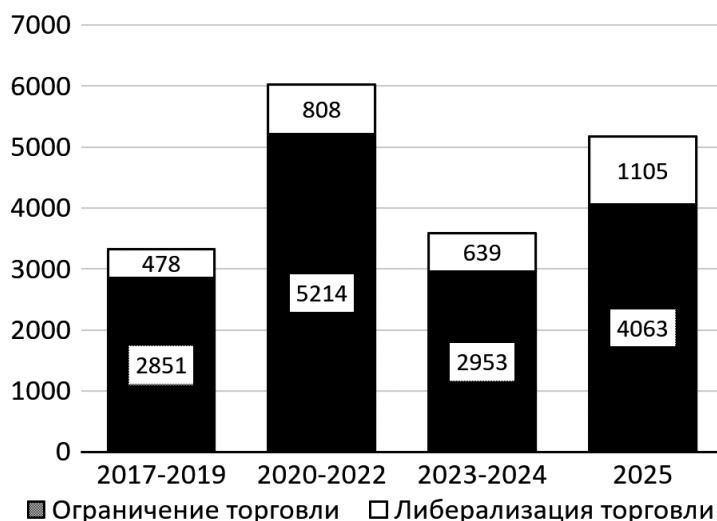
ческой безопасности². Страны теперь исходят из неизбежности конфликта интересов (вместо прежнего поиска взаимовыгодного консенсуса) и отказываются от многосторонних обязательств, ограничивающих их суверенитет (вплоть до выхода из широких международных соглашений) [2]. Концентрируясь на внешних угрозах, они стремятся обеспечить безопасность любой ценой, ослабить критическую зависимость от входящих зарубежных потоков и достичь односторонних выигрышей в гонке за новыми технологиями [3]. Так, при президентстве Трампа идея «Америка прежде всего» превращается в изоляционистскую, унилатеральную стратегию (вместо прежнего принципа мультилатеральности).

Во-вторых, мир возвращается к промышленной политике, выстраиваемой в экономической системе по вертикали власти. Если еще недавно правительства фокусировались на поддержке свободы конкуренции и устранении провалов рынка, то теперь — на прямой бюджетной поддержке приоритетных компаний и секторов, используя субсидии, целевое кредитование или прямое государственное участие.

В-третьих, страны возвращаются к более закрытой модели роста по сравнению с той, которая преобладала в последние 30 лет. Она основана на широких государственных интервенциях, протекционизме, стимулировании импортозамещения и локализации производства (вместо экспортной ориентации и участия в глобальных цепочках) [2; 7]. Так, данные Global Trade Alert указывают на нарастающие темпы государственных интервенций, нарушающих свободу торговли (см. рис.). В странах G20, формирующих 85% мирового ВВП, объем таких интервенций в 2025 г. значительно превышает показатели семилетней и даже двухлетней давности (хотя и остается ниже пиковых значений периода шока пандемии и введения санкций против России в 2022 г.). Причем если в 2020–2024 гг. подавляющую долю интервенций составляли субсидии приоритетным секторам, то в 2025 г. равнозначным инструментом стало повышение импортных тарифов. Доля мер по либерализации торговли несопоставимо меньше, но и они, скорее, связаны с доступом к критическому импорту, чем со снижением пошлин. А интервенции в сфере национальной безопасности охватывают возрастающую долю и импорта, и экспорта [8].

В-четвертых, фокусом ЭН становится *технологический национализм*, нацеленный на достижение самодостаточности, суверенитета или

² В литературе по геоэкономике политика экономической безопасности охватывает любые государственные интервенции по смягчению внешних экономических рисков (шок пандемии, изменение климата, наложение санкций, импортная зависимость и др.), способных нанести ущерб национальной безопасности страны или ее долгосрочному благосостоянию [6].

Примечание: 2025 г. – прогноз.

Источник: [8].

Рис. Динамика государственных интервенций в странах Большой двадцатки (число мер в год), 2017–2025 гг.

лидерства в сфере технологического развития [3]. Самодостаточность предполагает вытеснение технологического импорта в критических секторах, суверенитет — контроль не только над сложившимися, но и над будущими производственными линиями (что в условиях глобализации равнозначно контролю над ключевыми звеньями трансграничных цепочек), а лидерство касается обладания большей долей рынка передовых технологий и внедрения здесь собственных технических стандартов. В итоге практически все крупные экономики Глобального Севера и Глобального Юга планируют в той или иной мере добиться суверенитета в критически важных технологиях, одновременно претендуя на лидерство в отдельных передовых технологиях, что и находит отражение в новом поколении национальных промышленных стратегий [9].

Наконец, ЭН опирается на *специфический комплекс мер экономического стейткрафта* (economic statecraft), реализующий на уровне государственной политики слияние приоритетов технологического развития, экономической безопасности и геополитического влияния. Стейткрафт причудливо сочетает в себе защиту экономики от внешних угроз с агрессивным продвижением национальных конкурентных интересов, охватывая среди прочих мер и практик следующие [2; 3; 10]:

1) все виды селективной бюджетной помощи приоритетным секторам и компаниям, включая возвращение «национальных чемпионов»;

2) все виды протекционизма, включая защиту от вепонизации цепочек поставок;

3) все виды вепонизации и экономического принуждения в отношении стран-соперников (с целью их конкурентного ослабления и получения эксклюзивных преимуществ на глобальных технологических рынках);

4) скрининг входящих и исходящих прямых иностранных инвестиций на предмет угроз технологической безопасности;

5) требования к национальным компаниям по перестройке цепочек поставок и иным действиям на внешних рынках с учетом приоритетов безопасности и геополитики;

6) меры избирательного сотрудничества, разделяющие партнеров на страны-единомышленники, отношения с которыми строятся на принципах френдшоринга, и на «страны риска», для которых предусмотрены принципы дерискинга (ограничение связей) или декаплинга (полный разрыв связей в критических секторах).

Хотя ЭН сопряжен с возрастанием макроэкономических издержек и слабо совместим с ростом экономической эффективности, как в историческом прошлом (опыт Италии и Германии 1930-х годов, Аргентины в эпоху правления Хуана Перона) [2; 7]), так и сегодня [11], страны целенаправленно берут этот противоречивый курс во избежание рисков технологического отставания или как страховку от еще больших потерь, связанных с геополитической фрагментацией мировой экономики на конкурирующие блоки. До 2025 г. в литературе обсуждался сценарий образования блока союзников США (совместно с ЕС) и блока союзников Китая (совместно с Россией) при формировании группы маневрирующих нейтральных стран [12]. Но с началом глобальной эскалации тарифов в политике Трампа сценарии фрагментации усложняются.

Трампономика: упрощенные экономические подходы

В США разворот от исключительно либерализованной экономики к экономическому национализму начался еще при президентстве Джо Байдена в рамках доктрины «Америка прежде всего». В этот период была разработана концепция «Современной промышленной политики» (2022 г.) и приняты два ключевых закона, нацеленные на достижение самодостаточности в двух группах критических технологий — зеленых и полупроводниковых (см. табл. 1). Политика сдерживания Китая опиралась на антидемпинговые пошлины, экспортные запреты и на ограничение перетока критических технологий путем скрининга входящих и исходящих инвестиций. При этом США планировали декаплинг с Китаем лишь в узком кругу самых передовых секторов

Таблица 1

**Экономический национализм и курс на технологическую
самодостаточность в США**

	Джо Байден, 2021–2024 гг.	Д. Трамп, 2025 г.
Основные документы	<ul style="list-style-type: none"> Доктрина «Америка прежде всего» (America First), 2021 – Закон о чипах и науке, 2022; – Закон о снижении инфляции, 2022; – Президентские указы: об американских цепочках поставок (2021); об инвестициях в страны риска в сфере критических технологий (2024) 	<ul style="list-style-type: none"> Торговая политика «Америка прежде всего» (America First Trade policy), 2025 – Президентская повестка торговой политики на 2025 г.; – Президентские указы о создании новых ведомств; – План достижения лидерства в сфере ИИ (июль 2025 г.)
Задачи	<ul style="list-style-type: none"> – узкий декаплинг с Китаем; – перестройка цепочек поставок в зонах вепонизации при общем сохранении открытости; – самодостаточность в секторах, связанных с двумя группами критических технологий (зеленые и полупроводники); – модернизация депрессивных промышленных районов 	<ul style="list-style-type: none"> – широкий декаплинг с Китаем; – максимальная локализация производства и релокация мощностей в США; – возврат рабочих мест в промышленность и прежнего доминирования над Китаем по доле в мировом производстве; – устранение дефицитов в торговле с любыми странами
Ключевые меры протекционизма и стейткرافта	<ul style="list-style-type: none"> – субсидии приоритетным секторам; – френдшоринг с союзниками, дерискинг – со странами риска; – антидемпинговые пошлины и запрет на экспорт в Китай продукции хайтека; – скрининг инвестиций из Китая, ограничение — в Китай 	<ul style="list-style-type: none"> – селективное снижение налогов на крупный бизнес и вхождение государства в капитал приоритетных компаний; – высокие тарифы на импорт (особенно из Китая) и достижение со всеми странами двусторонней взаимности в уровне пошлин; – запретительные тарифы как инструмент торгового принуждения
Стратегические цели	<ul style="list-style-type: none"> – глобальное лидерство в сфере полупроводников (как основа удержания технологического лидерства в целом) 	<ul style="list-style-type: none"> – глобальное доминирование в традиционной энергетике, критических минералах и сфере ИИ

Составлено по: данные [13; 14]; официальные документы правительства США.

(согласно принципу «тесный двор, высокий забор») при дальнейшем сотрудничестве по другим направлениям, а экономическая безопасность в отношениях с остальным миром базировалась, по примеру ЕС, на сочетании френдшоринга и дерискинга. Стратегической целью США при Байдене стало завоевание глобального лидерства в полупроводниковой отрасли как основы сохранения технологического лидерства в целом [1].

Администрация Трампа (с 2025 г.) кардинально изменила эти установки. Она сконцентрировала идею «Америка прежде всего» и вопросы обеспечения экономической безопасности на сфере торговой политики и сделала меры экономического стейткрафта откровенно агрессивными — как в части внутренних государственных интервенций, так и по линии отношений с внешними партнерами. Трамп сосредоточился на серии указов о создании новых ведомств (при значительном упрощении функционала и кадрового состава прежних), о максимальной локализации производства как единственной гарантии технологической безопасности (без обращения к политике френдшоринга) и широком декаплинге с Китаем по всем секторам, относимым в настоящее время к критическим. Новыми стратегическими целями США стало достижение глобального доминирования в традиционной энергетике (с отказом от ускоренного зеленого перехода), критических минералах и сфере ИИ.

Торговая политика Трампа исходит из доминирующей роли США как глобального рынка сбыта для всех экспортно ориентированных экономик. Она предусматривает подъем импортных пошлин и тарифное давление на партнеров с целью заключения ими выгодной для США экономической сделки. Предполагается, что реализация такого транзакционного подхода [14; 15] позволит устранить дефицита в торговле со всеми странами, ведущими «несправедливую» торговую практику в отношении США, установив «двустороннюю взаимность» в уровне пошлин (*reciprocal tariffs*); остановить натиск дешевого китайского импорта на основе заградительных тарифов и тем самым вернуть высокооплачиваемые рабочие места в традиционные сектора промышленности, пострадавшие от автоматизации (доля таких мест сократилась вдвое с 1980-х годов, составив к 2025 г. лишь 20%) [14]; получить от партнеров обязательства по снижению собственных тарифов, релокации мощностей в США и покупке американских товаров вместо китайских; по совокупности этих мер, восстановить доминирование США над Китаем по доле в мировом промышленном производстве (к 2025 г. она упала ниже 16% на фоне 31% у Китая).

Эти замыслы встретили широкую критику, указывающую на примитивизацию подходов Трампа как к экономическому развитию, так и к экономической безопасности [14; 15; 16]. Среди концептуальных

изъянов трампономики можно выделить: упрощенное толкование феномена торговых дефицитов (и саму их оценку как неизбежного фактора риска); нереалистичность достижения двусторонней тарифной взаимности; невозможность решения внутренних структурных проблем экономики через внешнюю торговлю и ограничение импорта; и наконец — само применение заградительных тарифов как инструмента принуждения, ломающего механизмы здоровой рыночной конкуренции и у самой страны-инициатора, и в мировой экономике.

Хотя одностороннее введение пошлин нарушает правила ВТО, а в самих США установление тарифов является прерогативой Конгресса, Трамп воспользовался рядом законодательных положений 1960–1970-х годов, предоставляющих президенту дополнительные полномочия в этой сфере, в т. ч. в условиях угрозы национальной безопасности [15]. Ссылаясь на угрозы национальной безопасности, Трамп отменил достигнутые при Байдене торговые соглашения с ключевыми западными партнерами (ЕС, Великобритания, Япония) и начал со 2 апреля 2025 г. (в «День освобождения Америки») реализацию намеченной тарифной повестки, включающей базовые «взаимные тарифы» и отложенную на срок угрозу резкого подъема пошлин³.

К 1 августа 2025 г. большинство ключевых партнеров США в Европе и в Азии сумели избежать мощного тарифного удара от администрации Трампа — либо благодаря достижению с ней рамочных торговых соглашений, либо на основе временной отсрочки на заключение сделки⁴. Эти страны, за исключением Китая, приняли новый протекционистский курс США как неизбежный, отказались от встречной эскалации тарифов и договорились с Трампом о максимально умеренном повышении пошлин в обмен на уступки (снижение или даже обнуление собственных ввозных пошлин, обязательства по закупкам американских товаров и инвестициям в американскую промышленность). А к ноябрю широкого соглашения с США достиг и Китай.

³ В апреле Трамп ввел универсальный тариф (10%) на импорт всех товаров из всех стран (за исключением стран, уже находящихся под санкциями, — Россия, Беларусь, Куба и Северная Корея), установил базовые «взаимные тарифы» (10–47%) на большинство товарных групп (кроме электроники и критических минералов) и анонсировал резкое повышение пошлин выше базового уровня для 57 стран, с которыми у США возник торговый дефицит, либо чью политику США считают антиконкурентной (включая ЕС и Китай). Реализация анонса была отложена до 1 августа — с предложением странам заключить сделку о более выгодных условиях торговли в обмен на уступки [17].

⁴ В число заключивших сделку стран вошли Великобритания (с новыми тарифами США на уровне базовых 10%), ЕС (15%), Вьетнам и Индонезия (19–20%), а также Япония, Южная Корея, Тайвань и др. Мексика и Китай добились отсрочки заключения сделки, что в случае Китая прервало месячное действие взаимных сверхвысоких пошлин на уровне трехзначных цифр [17].

«Капитуляция» многих крупных игроков перед требованиями Трампа, в том числе с возможным ущербом для себя в миллиарды долларов, в значительной мере объясняется отсутствием у этих стран реальной альтернативы американскому рынку сбыта. Но, возможно, Европа, а вслед за ней и остальные игроки пошли на сознательный компромисс ради общих стратегических выигрышей: заключенные с Трампом двусторонние сделки позволили приостановить дальнейшую глобальную эскалацию тарифов, избежать разрастания разрушительной торговой войны и неизбежной в этом случае глобальной рецессии. При этом Европа наметила важные стратегические договоренности о сотрудничестве с США (в сфере инвестиций, энергетики и обороны), сохраняя трансатлантическое партнерство вместо блокового размежевания.

Однако независимо от будущего хода событий, мы расцениваем трампономику как апофеоз экономического национализма и современного стейткафта. Впервые манипуляция тарифами используется как инструмент торга и метод достижения взаимных уступок по стратегическим вопросам национального развития, что на практике выливается в мощную вепонизацию межгосударственных отношений [16].

США и Китай: роковое стратегическое соперничество

США лишь с периода первого президентства Трампа стали сдерживать Китай и рассматривать его не столько как дружественного партнера, сколько как опасного и авторитарного геополитического соперника. Именно тогда в Вашингтоне окончательно отказались от установки 1990-х годов на «естественную» политическую демократизацию Китая за счет его вовлечения в многостороннюю кооперацию с Западом и либеральные правила игры, включая участие в ВТО [18]. Администрация Байдена продолжила линию сдерживания, рассматривая Китай как «самый важный геополитический вызов», а с началом второй каденции Трампа взаимные трения сторон лишь обострились.

Сегодня США и Китай загнали себя в ловушку непримиримой борьбы за глобальное технологическое доминирование, причем размах и исход этой борьбы могут иметь более масштабные последствия для изменения глобального баланса сил, чем холодная война между США и СССР. Возможный декаплинг двух сверхдержав расценивается как технологическая холодная война (*Tech Cold War*), грозящая разделением мировой экономики на два обособленных блока, — на тех, кто участвует в глобальных цепочках, опираясь на технологические достижения США, и тех, кто выстраивает технологические линии с ориентацией на Китай [6]. Тарифная политика Трампа усложняет географию фрагментации: из предполагаемого блока США может выпасть

Европа, в блоке Китая могут наметиться свои независимые альянсы, а значительная группа неприсоединившихся стран попытается маневрировать. Однако с технологической точки зрения именно дальнейшее противостояние этих двух центров силы выглядит главным драйвером геополитической фрагментации.

Технологический национализм Китая зеркально направлен на противостояние с США [19]. Он нацелен на достижение полной самостоятельности не в отдельных, а во всех передовых секторах, на создание к 2035 г. глобальных технологических стандартов нового поколения, позволяющих обойти США, и на обретение страной к 2049 г. (100-летию образования КНР) позиций центрального мирового хаба в области ИКТ и зеленых технологий [20]. Как и США, Пекин реализует политику с позиций силы и не менее агрессивные стратегии принуждения, в т. ч. для противодействия эскалации тарифов⁵. Используя во взаимном соперничестве все более изощренные инструменты стейткрафта, каждый из игроков стремится подорвать могущество другого на рынках передового хайтека и тем самым изменить в свою пользу мировой баланс сил. При этом их подходы к задачам применения стейткрафта сильно отличаются: Китай претендует на новое технологическое лидерство, а США стремятся удержать имеющееся (см. табл. 2).

По мере обострения соперничества обе стороны стремятся втянуть в орбиту своего технологического и геополитического влияния как можно большее число развивающихся стран, особенно в ЮВА. Причем у Китая это получается лучше — на фоне транзакционного подхода Трампа и замыкания США на себе в рамках доктрины «Америка прежде всего» (“America First”). Так, страны – члены АСЕАН (10 быстрорастущих экономик, включая Индонезию, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам), которые на протяжении последних десятилетий экономически выигрывали от параллельного взаимодействия с обеими сверхдержавами, сегодня оказались в эпицентре жесткого двустороннего давления. В этих условиях они не в состоянии сохранить прежнее маневрирование и, судя по обстоятельным оценкам, постепенно дрейфуют в сторону альянса с Китаем⁶. Тарифная война Трампа лишь усиливает этот тренд, ослабляя потенциал вли-

⁵ Так, осенью 2025 г., реагируя на угрозу США ввести заградительные пошлины, Китай анонсировал широкий запрет на поставки в США критических редкоземельных минералов (в т. ч. через третьи страны) и спровоцировал глобальный сброс инвесторами казначейских бумаг США, начиная со стран-инвесторов, участвующих в китайском проекте «Один пояс-один путь». Это возымело успешное действие в последующем торге с Трампом, позволив сторонам отвести угрозу резкого и полномасштабного декаплинга [21].

⁶ Данные сингапурского композитного индекса «Анатомия выбора союзников» [18].

Таблица 2

Различие подходов Китая и США к задачам взаимного соперничества

Задачи Китая как претендента на технологическое лидерство	Задачи США как технологического лидера на страже собственных позиций
Производить: широкая господдержка бизнеса в «стратегических» отраслях, создание завершенной технологической и производственной базы	Стимулировать: поддержка технологических компаний, инвестиции в R&D и кадры, привлечение талантов, укрепление технологических позиций США на рынках стран-союзников
Приобретать: скупка западных компаний и технологий, принуждение к трансферу технологий и локализации в обмен на доступ к китайскому рынку	Сдерживать: препятствовать технологическому развитию Китая через экспортный контроль, санкции на отдельные компании, давление на стран-союзников против китайских технологий
Присваивать: получать безвозмездный доступ к западным технологиям — через сбор открытых данных и обмен студентами, промышленный шпионаж и кражу интеллектуальной собственности	Охранять: скрининг входящих и ограничение исходящих ПИИ, запрет на покупку Китаем технологических компаний, ограничения студенческого и научного обмена, пресечение попыток промышленного шпионажа

Источник: [19].

яния США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и поддерживая готовность ряда стран АСЕАН присоединиться к БРИКС.

Сочетание геополитического влияния, технологической мощи и готовности адекватно ответить на давление Трампа делает Китай намного более сложным и опасным соперником для США, чем некогда был экономически отстающий СССР или другие соперники, чей ВВП никогда не превышал 40% от американского. В итоге США приходится вести судьбоносную конкуренцию с Китаем всеми доступными государству средствами. Но делает ли это оправданным выбранный Трампом вариант тарифного вмешательства в глобальные рынки под лозунгом национальной безопасности? Как подчеркивают американские экономисты, злоупотребление инструментами протекционизма и стейт-крафта может повлечь за собой издержки, превышающие выгоды для национальной экономики, и даже для национальной безопасности [22].

Важно отметить и другое: игра двух сверхдержав по собственным правилам, где единственным сдерживающим фактором служит фактор силы, создает угрозу глобального «заражения» (contagion), когда другие страны мира будут все чаще руководствоваться тем же принципом, а это приведет к дальнейшему росту неопределенности, снижению производительности и общему торможению экономического

роста [23]. Распространению экономического национализма с его государственно-центричной атрибутикой будет способствовать и то, что соперничество США и Китая уже не является соревнованием демократического Запада с авторитарным Востоком – при президентстве Трампа в противостояние вошли, скорее, два недемократичных режима [24].

Риски трампономики для США и мира

Большинство современных экономистов считают протекционизм и трампономику *внутренне противоречивой и контрпродуктивной стратегией*, которая рано или поздно приведет к сжатию мировой экономики, снижая экспорт, рост ВВП и занятость [25].

Внутренняя противоречивость проявляется в том, что введенные Трампом тарифы препятствуют достижению целей, поставленных им же в стратегии «Америка прежде всего», — таких как наращивание бюджетных доходов за счет тарифных поступлений, сокращение хронического торгового дефицита, импортозамещение ради ускорения реиндустриализации, удержание глобального доминирования в сфере ИИ [26].

Во-первых, если США и сумеют расширить процесс импортозамещения, то это приведет к сокращению импорта и таможенных сборов. Напротив, устойчивое наращивание таможенных поступлений потребует сохранения широких объемов импорта, а это осложнит для США задачу устранения торгового дефицита или роста вклада импортозамещения в реиндустриализацию.

Во-вторых, для достижения лидерства в сфере ИИ США планируют разработку собственных медных рудников и развертывание полупроводниковых производств, что может занять больше десяти лет. При этом импорт компонентов для создания передовых чипов будет в это время затруднен высокими тарифами. Итогом станет торможение развития полупроводниковой отрасли и ослабление позиций США в критически важный период конкурентной гонки с Китаем за этот рынок.

В-третьих, подъем тарифов препятствует намеченной реиндустриализации США и может подорвать конкурентоспособность критических секторов промышленности. Учитывая, что примерно половина импорта приходится в США на промежуточную продукцию, даже базовый подъем пошлин до 10% повышает издержки и ослабляет инвестиционные возможности американского бизнеса в значительном круге отраслей. А резкий подъем внутренних цен на сталь и алюминий, вызванный тарифными решениями Трампа от 2 апреля, повышает издержки именно в тех секторах промышленности, которые

Трамп наметил укреплять (автопром, нефтегазовый сектор, аэрокосмическая отрасль).

Наконец, стремление Трампа добиться от западных партнеров (Япония, ЕС, Южная Корея и др.) значительных прямых инвестиций в американскую экономику расходится с его идеей нарастить экспорт путем ослабления доллара (подобная идея не приходила в голову ни одной из предыдущих администраций). Крупный приток ПИИ, если он произойдет, будет давить на доллар в сторону его укрепления, а также препятствовать главной задаче в таможенной повестке Трампа – сокращению двусторонних торговых дефицитов.

По данным МВФ, к концу 2025 г. трампономика еще не успела негативно сказаться на текущих макропоказателях экономики США. Но страна уже столкнулась с такими проинфляционными факторами, как потеря дешевого импорта (на 30%) и сокращение притока иностранных инвесторов вместо его планируемого расширения. При этом, по данным Блумберга, средняя ставка импортных пошлин поднялась в США в 6,6 раза – выше 15% (по сравнению с 2,3% до второй каденции Трампа)⁷. Как показали расчеты (на октябрь 2025 г.), наибольшая доля издержек за введенные Трампом тарифы пришлось на американских потребителей (55% совокупных издержек), вдвое меньшие затраты несут американские фирмы-импортеры (27%), перекладывающие издержки на потребителей, а самую меньшую цену платят иностранные экспортеры (18%), против которых и был введен этот тарифный эксперимент [27]. Считается, что в 2026 г. США могут увидеть рост инфляции, торможение экономики и общее снижение производительности.

Что касается воздействия на мировую экономику, то тарифная политика Трампа практически не отразилась на сокращении международных торговых потоков: уже к осени 2025 г. мировая торговля и логистика адаптировались к новой ситуации [28]. Ее негативные последствия заключаются в другом — в угрозе глобального возрастания неэффективности от подрыва правил и предсказуемости в мировой торговле.

Введенные Трампом пошлины направлены как против союзников, так и против противников, отражая его убеждение, что США несправедливо несут бремя гаранта мировой финансовой системы и международной безопасности. Однако отвергая два принципа ВТО — недискриминацию и взаимность (*non-discrimination and reciprocity*), Трамп инициировал односторонние решения в сфере тарифов на базе сило-

⁷ Trump tariff blitz unleashes delayed shock to global economy. Bloomberg. 01.08.2025. <https://bloomberg.com/news/articles/2025-08-01/trump-s-tariff-blitz-unleashes-delayed-shock-to-global-economy> (дата обращения: 02.08.2025).

вого подхода, при котором крупные страны больше не ограничены правилами поведения, а могут использовать пошлины для экономического принуждения. Кроме того, в отличие от индустриальной эпохи, с ее классической промышленной политикой, современный поворот стран к протекционизму и самодостаточности происходит в условиях распределенной модели производства, когда две трети мировой торговли приходится на промежуточные товары, так что подъем тарифов повышает стоимость импортной промежуточной продукции во всех экспортных отраслях [29]. Наконец, в отличие от самоподдерживающегося цикла снижения тарифов в условиях длительной либерализации торговли (он начался с созданием ВТО в 1995 г.), инициативы Трампа порождают обратную спираль протекционизма: будучи однажды введенными, тарифы трудно отменить, что подталкивает мировую экономику к росту издержек и снижению производительности [14].

В результате торговой войны 2025 г. либеральный экономический порядок, начиная с системы международной торговли по правилам ВТО, оказался критически подорван и безвозвратно ушел в прошлое. Сама ВТО фактически утратила свою функциональность, а принцип наибольшего благоприятствования, требующий от торговых партнеров равного отношения друг к другу, был разрушен введением или угрозой введения Трампом повышенных импортных тарифов для десятков стран [26].

В части *двусторонних торговых сделок* заключенные Трампом соглашения не гарантируют США ни макроэкономической стабильности, ни стратегических конкурентных выигрышей [26]. А для остального мира эти соглашения, равно как и усилия самих стран по адаптации к новым тарифам, предотвратили худший сценарий геополитической фрагментации, связанный с резким сжатием мировой торговли и глобальной рецессией. Ценой уступок требованиям Трампа мир приостановил эскалацию торговой войны. Однако *зыбкие индивидуальные договоренности не снимают рисков дестабилизации системы международных отношений*. Двусторонние сделки очень далеки от реального мирового порядка, способного заменить прежний, создавая основы долгосрочной глобальной стабильности. Напротив, сделки будут неизбежно нарушаться, порождая у сторон соблазн взаимного давления, пока они не будут встроены в новый формат глобального экономического управления. Даже независимо от издержек по тарифам сам *переход мира от торговли по общепринятым правилам к двустороннему торгу с позиций силы* будет неизбежно усиливать неопределенность и структурные дисбалансы, подрывая инвестиционную активность бизнеса и оптимальные возможности развития наций.

* * *

Трампономика выглядит апофеозом модели экономического национализма, значительно усилившим торговые барьеры, хаотичную перестройку потоков и риски раскола ранее связанного мира. Так, интегральный Индекс геополитической фрагментации мировой экономики взлетел с 2022 г. до максимума за последние полвека, что обозначило смену исторических эпох [30].

В то же время трампономика во многом представляет собой характерную для лидеров-популистов практику возведения внутренних структурных проблем экономики в ранг проблем национальной безопасности, порождаемых исключительно внешними факторами, – «несправедливым поведением» торговых партнеров, чрезмерной открытостью экономики, несовершенством правил ВТО или фундаментальными изъянами глобализации. Этот искусственный перенос внимания электората на внешние угрозы позволяет правительствам разных стран, как богатых, так и бедных (Китай, Индия, многие страны Глобального Юга), уходить от насущных, но политически непопулярных институциональных реформ. Однако в случае такой влиятельной страны, как США, выступающей для мира генератором технологического прогресса и главным центром промышленного спроса, разворот к экономическому национализму генерирует тиражирование практик принуждения и мощные глобальные риски.

Мы полагаем, что не только торговая политика США «Америка прежде всего», но и вся доктрина экономического национализма внутренне противоречива — ее институциональные ориентиры на продвижение национальных интересов без их гармонизации с интересами партнеров отстают от технологических вызовов времени. Массовый переход стран от принципов экономической открытости и коллективных правил игры к идеологии протекционизма и самодостаточности чреват дальнейшей вепонизацией экономических связей и накоплением глобальной неэффективности. Эта ситуация будет препятствовать успешному достижению странами тех целей стабильного и безопасного развития, ради которых они и совершили данный переход.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 3. С. 108–135. [Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. Moving towards technological sovereignty: A new global trend and the Russian specifics // Baltic Region. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 108–135. (In Russ.).] DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6.
2. de Bolle M., Cohen-Setton J., Sarsenbayev M. The new economic nationalism. New York, NY: Columbia University Press, 2025.
3. Capri A. Techno-nationalism: How it's reshaping trade, geopolitics and society. Hoboken, NJ: Wiley, 2024.

4. *Farrell H., Newman A.* Underground empire: How America weaponized the world economy. New York, NY: Henry Holt and Co., 2023.
5. *Cha V.D.* Collective resilience: Deterring China's weaponization of economic interdependence // *International Security*. 2023. Vol. 48. No. 1. Pp. 91–124. DOI: 10.1162/isec_a_00465.
6. *Смородинская Н.В., Малыгин В.Е.* Экономическая безопасность и технологический суверенитет в современной промышленной политике // *Микроэкономика*. 2024. № 6. С. 94–103. [*Smorodinskaya N.V., Malygin V.E.* Economic security and technological sovereignty in modern industrial policy // *Microeconomics*. 2024. No. 6. Pp. 94–103. (In Russ.).] DOI: 10.33917/mic-6.119.2024.94-103.
7. *Suesse M.* The nationalist dilemma: A global history of economic nationalism, 1776–present. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
8. G20 trade policy factbook. 2025 edition. Global Trade Alert, 2025. <https://globaltradealert.org/reports/G20-Trade-Policy-Factbook-2025>.
9. *Катукоев Д.Д., Смородинская Н.В.* Технологический суверенитет и технологическое лидерство России: замыслы и внутренние ограничения // *Общество и экономика*. 2025. № 12. С. 38–59. [*Katukov D.D., Smorodinskaya N.V.* Russia's technological sovereignty and leadership: Strategic intentions and domestic constraints // *Society and Economy*. 2025. No. 12. Pp. 38–59. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0207367625120032.
10. *Blackwill R.D., Harris J.M.* War by other means: Geoeconomics and statecraft. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.
11. *Luo Y.* Illusions of techno-nationalism // *Journal of International Business Studies*. 2022. Vol. 53. No. 3. Pp. 550–567. DOI: 10.1057/s41267-021-00468-5.
12. *Aiyar S., Ilyina A., Chen J., Kangur A., Trevino J., Ebeke C., Gudmundsson T., Soderberg G., Schulze T., Kunaratskul T., Ruta M., Garcia-Saltos R., Rodriguez S.* Geo-economic fragmentation and the future of multilateralism // *IMF Staff Discussion Notes No. SDN/2023/001*. 2023. DOI: 10.5089/9798400229046.006.
13. *Reynolds E.B.* U.S. industrial transformation and the “how” of 21st century industrial strategy // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2024. Vol. 24. No. 1. Article 8. DOI: 10.1007/s10842-024-00420-x.
14. *Baldwin R.E.* The great trade hack: How Trump's trade war fails and the world moves on. Paris: CEPR Press, 2025.
15. *Grossman G.M., Sykes A.O.* Commandeering the customs: An economic and legal perspective on the president's “emergency” imposition of “reciprocal tariffs”. 2025.
16. *Mariotti S.* Firms as political forces for good: Navigating disorder and state interventionism in a multipolar world // *Thunderbird International Business Review*. 2025. DOI: 10.1002/tie.70014.
17. *Кнобель А.Ю., Пономарева О.В.* Торговая политика США: текущее положение и перспективы // *Мониторинг экономической ситуации в России*. 2025. № 15. [*Knobel A., Ponomareva O.* US trade policy: Current situation and prospects // *Monitoring of Russia's Economic Outlook*. 2025. No. 15. (In Russ.).] <https://ideas.repec.org/a/gai/monreo/monreo-2025-15-1434.html>
18. *Khong Y.F., Liow J.C.* Southeast Asia is starting to choose: Why the region is leaning toward China // *Foreign Affairs*. 2025. Vol. 104. No. 4. Pp. 151–161.
19. *Roberts A., Choer Moraes H., Ferguson V.* Toward a geoeconomic order in international trade and investment // *Journal of International Economic Law*. 2019. Vol. 22. No. 4. Pp. 655–676. DOI: 10.1093/jiel/jgz036.

20. Zenglein M.J., Gunter J. The party knows best: Aligning economic actors with China's strategic goals. Berlin: MERICS, 2023. <https://merics.org/en/report/party-knows-best-aligning-economic-actors-chinas-strategic-goals>.
21. Chan K., Czin J.A., Hass R., Heerman K., Kim P.M., O'Hanlon M.E., Rapp-Hooper M., Sisson M.W., Thornton S.A. What happened when Trump met Xi? // Brookings. 2025. <https://brookings.edu/articles/what-happened-when-trump-met-xi> (accessed: 06.11.2025).
22. Goodman M.P. The US must set limits on economic security // The Banker. 2025. <https://thebanker.com/content/d691d5d2-1053-4018-a36d-4ab50491165a> (accessed: 14.11.2025).
23. Froman M.B.G. After the trade war: Remaking rules from the ruins of the rules-based system // Foreign Affairs. 2025. Vol. 104. No. 5. Pp. 60–74.
24. Tobin L. America first vs. China's brute force economics // Lessons from the new Cold War: America confronts the China challenge / Brands H. (ed.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2025. Pp. 17–34.
25. Siripurapu N., Berman A. What are tariffs? // Council on Foreign Relations. 2025. <https://cfr.org/background/what-are-tariffs> (accessed: 02.04.2025).
26. Froman M. Trade-offs in Trump's trade policy // CFR. 2025. <https://cfr.org/article/trade-offs-trumps-trade-policy> (accessed: 02.08.2025).
27. Steil B. Who pays Trump's tariffs? // Council on Foreign Relations. 2025. <https://cfr.org/article/who-pays-trumps-tariffs> (accessed: 05.11.2025).
28. UNCTAD. Global Trade Update (October 2025): Global trade remains strong despite policy changes and uncertainty. 2025. <https://unctad.org/publication/global-trade-update-october-2025-global-trade-remains-strong-despite-policy-changes-and>
29. Antràs P., Chor D. Global value chains // Handbook of international economics / Gopinath G., Helpman E., Rogoff K.S. (ed.). Elsevier, 2022. Vol. 5. Pp. 297–376.
30. Fernández-Villaverde J., Mineyama T., Song D. Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect // NBER Working Papers No. 32638. 2024. DOI: 10.3386/w32638.

Дата поступления рукописи: 16.10.2025 г.

Дата принятия к публикации: 18.11.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Смородинская Наталия Вадимовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4741-9197
smorodinskaya@gmail.com

Катуков Даниил Дмитриевич – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3839-5979
dkatukov@gmail.com

Малыгин Вячеслав Евгеньевич – старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0545-6456
slavmal53@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Nataliya V. Smorodinskaya – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4741-9197

smorodinskaya@gmail.com

Daniel D. Katukov – Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3839-5979

dkatukov@gmail.com

Vyacheslav E. Malygin – Senior Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0545-6456

slavmal53@gmail.com

TRUMPONOMICS AS THE APOTHEOSIS OF ECONOMIC AND TECHNOLOGICAL NATIONALISM

The paper describes, using the example of the US “America First” policy, a global trend of the 2020s — the revival of economic nationalism (EN). We demonstrate how security imperatives are becoming central to economic strategies, with the weaponization of countries’ economic interdependencies emerging as a distinctive policy instrument. We examine the contemporary model of EN, identifying its key features and instruments, with particular emphasis on technological nationalism as its core component. This analytical framework helps us to reveal the contradictory nature of Trumponomics (the President Trump’s course since 2025), the trap of irreconcilable technological rivalry between the US and China, and the risks of Trump’s ‘bilateral deals’ for the global economy. We find that nations’ transition under the EN doctrine from liberal principles of economic openness and free trade to protectionist and self-sufficiency ideologies entails the accumulation of economic inefficiencies. This trend can ultimately undermine countries’ ability to achieve those very goals of sustainable and secure development for which they have made this policy shift.

Keywords: *economic nationalism, technological sovereignty, weaponization of interdependencies, securitization, trade war, Trumponomics, US-China rivalry.*

JEL: F52, F50, F13.